Фольклор и антропология города, *Т. 7. N. 4. 2025*
Тип публикации: Статья
EDN: IJDVDL

Экскурсии за модернизм. Кто, как и зачем популяризирует советскую архитектуру 1950–1980-х

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ ГУДКОВ [1]

✉ kmgudkov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6452-0211

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ДУДНЕВ [1]

✉ dudnev@gmail.com
ORCID: 0009-0006-1926-0445
[1] Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Гудков, К. М., Дуднев, А. С. (2025). Экскурсии за модернизм. Кто, как и зачем популяризирует советскую архитектуру 1950–1980-х. *Фольклор и антропология города, 7*(4), 45–72.

Статья посвящена рефлексии практик, направленных на популяризацию советского модернизма 1950–1980-х годов, через феномен авторских экскурсий. Актуальность исследования обусловлена растущим публичным интересом к этому архитектурному наследию, с одной стороны, и обострившимися угрозами его сохранности, с другой. Цель работы — не оценить успешность этих практик, а проанализировать мотивацию, общие черты и эволюцию взглядов популяризаторов, не объединенных в формальное движение. Методологической основой исследования выступил качественный анализ транскриптов глубинных интервью с тринадцатью опытными гидами, специализирующимися на советском модернизме. В основу методологии лег отказ от анализа «персон» в пользу «монтажа высказываний» через выявление сквозных тем. Авторы, сами являющиеся историками архитектуры с опытом экскурсионной работы, занимают рефлексивную позицию, рассматривая собеседников одновременно как участников наблюдения и интеллектуальных соавторов. В результате анализа транскриптов были выявлены и систематизированы семь ключевых метафорических «путей», через которые экскурсоводы осмысляют свою деятельность: экскурсии как путешествие в воображаемое пространство; как путь диалога и обмена мнениями; путь к принятию и терапевтическому примирению с модернистской средой; путь к знанию; путь к формированию сообществ; путь к идентичности через осмысление взаимоотношений местного контекста и интернационального стиля; наконец, как путь к сохранению наследия.

Статья предлагает взгляд «изнутри» на эволюцию экскурсионных практик и их место в современной культуре интереса к советскому модернизму. Итогом работы становится многоголосый портрет сообщества, находящегося в творческом и интеллектуальном движении. Статья демонстрирует, как в рамках экскурсионной практики не только конструируются нарративы о наследии и идентичность сообществ, но развивается кооперация во имя сохранения

модернизма, а ретротопия работает не только как ностальгическое убежище от реальности, но и как инструмент критики современного градостроительства.

Ключевые слова: экскурсии, советский модернизм, краеведение, градозащита, культурное наследие, активизм, ностальгия, ретротопия

Дата поступления в редакцию: 14.10.2025
Дата рецензирования: 25.10.2025
Дата принятия к публикации: 23.11.2025
© К. М. Гудков, А. С. Дуднев

Авторы благодарят всех собеседников за уделенное время, Константина Антипина и Александру Сафонову за предоставленные фотографии, Павла Куприянова за совет принять участие в этом номере, данный во время проведенной им дружеской экскурсии по Лефортову, Игоря Стася, Дарью Радченко и Бориса Степанова за комментарии, которые помогли определиться с нестандартной структурой этого текста.

Urban Folklore & Anthropology V. 7. N. 4. 2025
Publication type: Article
EDN: IJDVDL

Guided by modernism: Popularizing Soviet architecture of the 1950s–1980s — the who, how, and why

KONSTANTIN M. GUDKOV [1]

✉ kmgudkov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6452-0211

ALEKSANDER S. DUDNEV [1]

✉ dudnev@gmail.com
ORCID: 0009-0006-1926-0445
[1] Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

For citation:
Gudkov, K. M., Dudnev, A. S. (2025). Guided by modernism: Popularizing Soviet architecture of the 1950s–1980s — the who, how, and why. *Urban Folklore & Anthropology, 7*(4), 45–72. (In Russian).

This article examines the practices of popularizing Soviet modernist architecture (1950s–1980s) through the phenomenon of author-led tours. The study's relevance stems from the growing public interest in this architectural legacy, coupled with escalating threats to its preservation. The aim is not to evaluate the effectiveness of these practices but to analyze the motivations, shared traits, and evolving perspectives of popularizers who operate outside any formal movement. Methodologically, the research is based on a qualitative analysis of transcripts from in-depth interviews with thirteen experienced guides specializing in Soviet modernism. A key methodologi-

cal approach involved shifting the focus from individual "personas" to a "montage of statements", identifying recurring themes across the interviews. The authors (and interviewers) — architectural historians with guiding experience themselves — adopt a reflexive position, treating their interviewees as both research subjects and intellectual co-authors.

The analysis identified and systematized seven core metaphorical "pathways" through which the guides' reflections can be conceptualized: tours as a journey into an imagined space; as a pathway for dialogue and exchange of opinions; as a route to acceptance and therapeutic reconciliation with the modernist environment; as a path to knowledge; as a means of community-building; as a path to identity, formed by negotiating the relationship between local context and international style; and finally, as a potential path to heritage preservation — or a refusal to assume this role.

This article offers an internal view of the evolution of excursion practices and their role in the modern culture of fascination with Soviet Modernism. The study culminates in a polyphonic portrait of a community in a state of creative and intellectual flux. It shows how these practices serve not only to construct heritage narratives and community identity but also to develop a cooperative effort aimed at the preservation of Modernism. Ultimately, the article argues that within this context "retrotopia" operates not just as a nostalgic escape from reality but also as an instrument for critiquing contemporary urban planning.

Keywords: architectural tours, soviet modernism, local history, urban heritage activism, cultural heritage, nostalgia, retrotopia

Мы задумались над идеей этой работы в феврале 2025 года, когда в Москве было объявлено о планирующемся сносе цирка на проспекте Вернадского и здания СЭВ. Нас захватила мысль о том, что советский модернизм за последние годы обрел массовую популярность, свидетельством чему стало количество его потенциальных защитников, но одновременно внезапно оказалось, что и угроза этому наследию выросла и теперь сильна как никогда. Нам показалось важным, чтобы популяризаторы модернизма отрефлексировали свою работу в течение последних примерно десяти лет. Несмотря на то, что важная работа по осмыслению феномена популярности советского модернизма уже начата [Еремеева 2024; Данилов 2022; Казакова 2022], пока в ней отсутствовал важный компонент исследования авторских экскурсий. Избегая упрощения оценок до успеха или провала, нам захотелось задуматься, что было общего у популяризаторов модернизма, что мотивировало участников этого процесса, не объединенных в общее движение, и как в ходе работы осмыслялись ценности и конструировались позиции акторов. Мы подхватили идею специального номера ФАГ, потому что сюжет экскурсий нам показался хорошим способом сузить тему до масштабов небольшого исследования. Его общий вопрос можно сформулировать так: «Какой путь проделали и куда движутся участники экскурсий по модернизму?»

Мы сразу выбрали структуру статьи, основанную не на внимании к персонам, а на монтаже высказываний по темам и наметили следующие блоки вопросов: биография и происхождение интереса к экскурсиям и модернизму; на примере описания одной из экскурсий — подход к поиску информации и конструированию нарратива, выбору объектов и маршрута; взаимодействие с аудиторией; в конце разговора обсуждали отношение к вопросу сохранения наследия. Мы не формулировали заранее конкретные вопросы, варьируя их формулировки и время, отведенное на каждый из блоков, в зависимости от интереса собеседников. После расшифровки интервью мы отказались от изначальных блоков вопросов в пользу аналитических категорий, основанных уже на ответах и рефлексии собеседников. У нас получилось 7 основных тем, к которым чаще всего приходили собеседники, объясняя свою работу. Мы назвали их так: 1) экскурсии как путь в воображаемое; 2) экскурсии как путь диалога; 3) экскурсии как путь к принятию; 4) экскурсии как путь к знанию; 5) экскурсии как путь к сообществу; 6) экскурсии как путь к идентичности; 7) экскурсии как путь к сохранению. Наименования блоков основаны на метафоре пути, которым является экскурсия — как маршрут и, как нам стало ясно во время бесед, непрерывно развивающаяся во времени творческая идея и позиция ее авторов и участников. Выбор названий тематических блоков и принцип подбора цитат мы коротко поясняем в начале каждого блока, в то время как в конце него предлагаем свое собственное впечатление от дискуссий. Тексты подверглись минимальной редактуре (сокращены междометия, повторы, иногда выправлен порядок слов для облегчения понимания). К сожалению, нам пришлось пожертвовать основной частью каждого индивидуального интервью (оно обычно длилось от 1 до 2 часов), выбранные цитаты отражают наиболее характерные, острые и проницательные замечания. Все тексты были одобрены собеседниками для публикации.

Собеседники выступают одновременно как участники наблюдения и интеллектуальные соавторы. Мы выбрали их из числа наиболее опытных (как по давности начала деятельности, так и по интенсивности практики) людей, проводивших экскурсии именно по советской архитектуре конца 1950-х — конца 1980-х, при этом не обязательно профессиональных экскурсоводов. При выборе собеседников мы стремились, чтобы были хорошо представлены люди разного возраста, гендера, региона проведения экскурсий, с разным опытом и интересом к экскурсиям (научным — те, кто имеет образование в области истории и искусствоведения, краеведческим — «новые краеведы», авторы каналов, профессиональным — те, для кого экскурсии это работа). Авторы этой статьи как историки архитектуры довоенного модернизма сами имеют опыт проведения экскурсий (2012–2022). Примерно половина из 13 собе-

седников являются нашими друзьями на протяжении многих лет, с другой половиной мы впервые общались лично в формате дистанционных интервью. Модернистские экскурсии пока остаются специализированным, хотя и быстро растущим направлением, так что мы полагаем, что нам удалось поговорить со значительной частью гидов, кто регулярно проводит такие экскурсии. Гиды, с которыми мы общались, с большой симпатией и уважением относятся друг к другу, были готовы делиться рекомендациями и контактами. Несмотря на отсутствие устойчивого сообщества, российские экскурсоводы смогли объединиться (в Союз экскурсоводов), чтобы попытаться предотвратить принятие закона о лицензировании своей деятельности (в итоге он все-таки был принят)[1]. На момент проведения интервью (июль 2025 года) на сайтах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева и Музея Москвы не было специальных экскурсий, посвященных архитектуре советского модернизма, и мы не смогли изучить экскурсионные практики в рамках государственных институций.

В качестве наших собеседников выступили (в алфавитном порядке, указан опыт экскурсий именно по модернистской архитектуре): Антипин Константин Сергеевич (26 лет, историк архитектуры, МГУ им. М. В. Ломоносова, экскурсии с 2019 года: Пущино, Москва), Багаутдинов Айрат Равилевич (37 лет, историк архитектуры, руководитель компании «Глазами инженера», экскурсии с 2017 года: Москва, Петербург, Казань, Пущино, Протвино, Черноголовка, Троицк, Новосибирск, Тольятти, Тбилиси, Ереван, Гюмри, Ташкент, Алматы), Бунина Анна Евгеньевна (27 лет, архитектор, автор и руководитель проекта «СовМодно», исследовательница архитектуры, экскурсии с 2023 года: Жуковский, Раменское), Бурангулов Динар Ильдарович (29 лет, экскурсовод, исследователь советской архитектуры, автор блога «Кызыл Паша», экскурсии с 2022 года: Краснодар, Новороссийск, Майкоп, Уфа, Салават, Стамбул), Гусаров Дмитрий Александрович (42 года, экскурсовод, независимый исследователь советской архитектуры, автор ТГ-канала «Советская архитектура. Взгляд из Ленинграда. XXI век», редактор сайта «Домофото», экскурсии с 2023 года: Санкт-Петербург), Змеул Александр Александрович (46 лет, историк, независимый исследователь архитектуры, градостроительства и транспорта, экскурсии с 2018 года: Москва), Зубкова Марина Олеговна (37 лет, историк, городской исследователь, куратор проекта «Город проектировщиков», экскурсии с 2023 года: Санкт-Петербург), Иванов Александр Сергеевич (36 лет, исследователь архитектуры, гид, основатель проекта «Квест-город», экскурсии с 2019 года: Москва, Санкт-Петербург,

[1] https://moslenta.ru/city/turisty-mnogoe-ot-etogo-poteryayut-chto-izmenit-novyi-zakon-ob-attestacii-ekskursovodov.htm

Тбилиси, Буэнос-Айрес), Казакова Ольга Владимировна (42 года, искусствовед, доцент, Высшая школа экономики, старший научный сотрудник Музея Москвы, экскурсии с 2017 года: Москва, Зеленоград), Крайнов Михаил Александрович (46 лет, ведущий ИТ-специалист, основатель проекта «Несбывшийся Ленинград», экскурсии с 2014 года: Санкт-Петербург), Маслова Ира (38 лет, исследовательница советской архитектуры, куратор проекта «Городские экспедиции», экскурсии с 2018 года: Нижний Новгород), Ромодин Денис Витальевич (45 лет, москвовед, руководитель отдела «Музей “Садовое кольцо”» Музея Москвы, экскурсии с 1998 года: Москва), Севостьянова Жанна Борисовна (38 лет, экскурсовод, экскурсии с 2019 года: Москва, Зеленоград).

Рис. 1. Цирк на проспекте Вернадского, Москва, 2024 год.
Фото Константина Антипина
Fig. 1. Circus on Vernadsky Avenue, Moscow, 2024. Photo by Konstantin Antipin

1. Экскурсии как путь в воображаемое

Здесь мы неожиданно обнаружили, что в экскурсиях первична не карта и подлинная материальность объектов показа, а путешественники и их воображение.

> Краснодар, это условно город «понаехов», тут уже люди со всей России, абсолютно со всего СНГ. ‹…› И на экскурсию по модернизму приходят люди, которые выросли в таких же городах. В Омске,

там, условно, не знаю, в Ташкенте, еще в Донецке. В общем, в таких городах, которые прям максимально такие, максимально такие советские, модернистские, там, где нет дореволюционного. И они как будто даже приходят немножко за ностальгией, что ли[2].

Как ты знаешь, я занимаюсь несбывшимися проектами, и мне они интересны, в первую очередь, в архитектуре, но если так чуть-чуть меня ногтиком поскрести, то мне интересны и машины, которые не пошли в серию, и черновики альбомов, рукописей, как «Двенадцать стульев» или «Мастер и Маргарита»… И не в смысле, знаешь, там, поностальгировать, типа, о, блин, как здорово, что, или наоборот, ой, как же плохо, лучше бы вот этот вариант пошел в серию… Я никогда не задумывался, наверное, первый раз это формулирую, наверное, мне хочется какого-то объема, что ли, вот набросать на то, что получилось, и сделать какое-то не 3D, а, не знаю, там, 4D, 5D… Хочется еще какой-то отдушины, наверное, от работы. ‹…› У меня в голове есть, ну если не все, то почти все здания в виде проектов. И я просто из этих вот проектов выстраиваю некую логическую территориальную цепочку для экскурсии[3].

Однажды, это очень крутая история, однажды я [экскурсантам] сделала очень больно… но я не намеренно! Люди жили всю жизнь… в смысле, [они верили,] что: «Это же немецкие дома, это же сами немцы приезжали, строили по немецкому проекту. У нас настоящее немецкое качество, как у сапог». И тут приходит Ира Маслова, и говорит, что это московские архитекторы, что все это вообще совсем не так. И по-моему, там дело до психолога дошло. И мне просто объяснили, что: «Ира, ты сейчас разрушила их картину мира. Ты разрушила всю их детскую ностальгию». Они были бывшими жителями или текущими жителями этой Мещерки. Они вставляли, они рассказывали мне свою историю. А я абсолютно рушила всю их ностальгию по детству. Я понимаю, что это было больно. Я поняла, что я тогда поступила неправильно, потому что я на экскурсии спорила, как будто бы доказывала. То есть я на экскурсии встала на позицию эксперта, и я поняла, что так не надо было делать[4].

Мы ходим по району Северное Чертаново, я показываю, как он устроен, какие уникальные технологии были применены, там, с точки зрения вентиляции, увеличенного шага несущих конструкций, двухэтажные квартиры, и что просто всех потрясает, они просто падают навзничь, когда мы обсуждаем систему вакуумного мусороудаления. После вот этих маршрутов люди начинают пони-

[2] Бурангулов Динар Ильдарович, 29 лет, экскурсовод, исследователь советской архитектуры, автор блога «Кызыл Паша», экскурсии по модернизму с 2022 года: Краснодар, Новороссийск, Майкоп, Уфа, Салават, Стамбул.

[3] Крайнов Михаил Александрович, 46 лет, ведущий ИТ-специалист, основатель проекта «Несбывшийся Ленинград», экскурсии по архитектуре XX века с 2014 года: Санкт-Петербург.

[4] Маслова Ира, 38 лет, исследовательница советской архитектуры, куратор проекта «Городские экспедиции», экскурсии по модернизму с 2018 года: Нижний Новгород.

> мать, что не все так просто с этими панельками, что архитекторы в те годы думали, а не просто ляпали, значит, панельки друг на друга, что архитекторы заботились о населении и строили будущее… Иной раз после экскурсии становится понятно, что мы даже [до сих пор еще] не построили это будущее, да, то есть мы сейчас упали в какую-то абсолютно коммерческую градостроительную пропасть, где всем правят деньги, никакого удобства, никаких парковок, никаких зеленых территорий, это могут себе позволить только какие-то ЖК, премиум или бизнес-классы, которые сейчас строят, а тогда это были эксперименты, которые нужно было внедрять в массовое строительство, и, в общем-то, была идея построить социализм и построить район Северное Чертаново к наступлению социализма. И вот это, конечно, сильно подкупает, то есть очень часто люди ходят мимо этой архитектуры, даже не догадываясь о том, что она очень сложна внутри, они думают, что я буду им рассказывать про коробки, а на самом деле я рассказываю им про уникальные градостроительные эксперименты, и это очень сильно меняет людей[5].

Именно воображение, фантазия являются движущей силой ностальгии, вовлекают в свою работу память и культурный опыт, оживляя панельную повседневность дыханием ретротопии. Формулировка «приходят за ностальгией» подчеркивает, что ностальгия производится в момент экскурсии, что ностальгия — это процесс конструирования, творческий процесс и работа воображения, а не воспоминания, которые просто есть.

Мы почувствовали, что именно недостаточность, как бы несовершенство и несоответствие, внутренняя конфликтность постсоветского пространства толкает авторов экскурсий в смелое путешествие по альтернативной или «дополненной» реальности, что, вероятно, применимо к любым экскурсиям на постсоветской географии, но особенно чувствуется именно в модернистской среде. Попытка вытащить ностальгию из основания этой конструкции грозит обрушением ретротопического мира.

С другой стороны, некоторая идеализация советского модернистского проекта (то, что проектировалось, смешивается с тем, что было в реальности) также характерна для ностальгии или ретротопии. Однако предъявляющиеся на экскурсии осязаемые материальные доказательства утопического потенциала в советском проекте (экологическая и технологическая утопия) реально представляют его более гуманным, чем современное коммодифицированное градостроительство.

[5] Севостьянова Жанна Борисовна, 38 лет, экскурсовод, экскурсии по модернизму с 2019 года: Москва, Зеленоград.

2. Экскурсии как путь диалога

Здесь мы наблюдали, как прогулки могут работать как пространство, где встречаются разные мнения.

> Для того, чтобы увидеть красоту в этой архитектуре, нужно увидеть тот мыслительный процесс, который за ней стоит. ‹…› Архитектура модернизма тоже имеет свой язык, свою какую-то сложную структуру. Но чтобы это увидеть, чтобы она с тобой заговорила, нужно иметь желание выучить этот язык хоть чуть-чуть. ‹…› В рамках проекта «Город проектировщиков», который мы ведем с коллегой, ‹…› для нас одна из главных, наверное, задач — это сделать возможным диалог между горожанами и профессионалами, потому что сейчас диалог налажен очень слабо. ‹…› Архитектор — это человек, который — даже если он симпатизирует исторической архитектуре — это человек, который нацелен думать, как здесь можно еще, что можно улучшить, что я могу привнести. Для большинства горожан, которые больше сочувствуют градозащитным движениям, эта оптика просто невозможна. Как только они узнают, что что-то где-то будет построено, они сразу думают о том, что что-то будет разрушено. ‹…› Для меня это немного прискорбная ситуация. И я понимаю, что архитекторы очень часто не хотят… даже не то, что становиться на сторону горожан, но они не хотят просто смотреть глазами горожан на город. ‹…› Это люди, формирование которых произошло в 60–70-е, максимум 80-е годы, и они с трудом понимают, что горожане уже тоже могут рассказать о том, что им нужно вообще, и каким они хотят этот город видеть. Им даже может быть смешна порой эта идея[6].

> Я там [в Буэнос-Айресе] про дом один рассказывал, который 1952 года, он целиком покрыт такой мелкой стеклянной бирюзовой плиткой, цвета морской волны целиком. И какой-то местный житель выходит, говорит, это что, по-испански говорит, это el baño, то есть это туалет этот дом, а вот раньше на его месте тут стоял какой-то во французском стиле красивый особняк, это да, [то есть] это почему туалет, потому что плитка, как в туалете. Я теперь просто это включаю в рассказ про дом, что вот однажды вышел там дядечка, и такие эмоции; как местные жители все это воспринимают, интересно это добавлять в рассказ[7].

> Если быть откровенным, за 4 года моей деятельности экскурсионной, я все-таки пришел к выводу, что именно в Краснодаре людей интересует больше модерн. То есть интерьеры, изразцовая печь, метлахская плитка, камины, печи… Вот именно царский период, царский период на Кубани как-то вот людям интереснее.

[6] Зубкова Марина Олеговна, 37 лет, историк, городской исследователь, куратор проекта «Город проектировщиков», экскурсии по модернизму с 2023 года: Санкт-Петербург.

[7] Иванов Александр Сергеевич, 36 лет, исследователь архитектуры, гид, основатель проекта «Квест-город», экскурсии по модернизму с 2019 года: Москва, Санкт-Петербург, Тбилиси, Буэнос-Айрес.

А советский период, он только-только начинает. ‹…› Я, на самом деле, плюс-минус стараюсь [модернизм] интегрировать вообще во все экскурсии. Вроде рассказываю про дореволюционную, а тут внезапно, опа, а вот смотри, какой классный модернизм. То есть как-то вот так я везде вставляю[8].

Я показываю, как оно есть, я не приукрашиваю, не говорю, что эта архитектура прям, ох, какая суперкрутая. Она такая. Нет, я показываю, что вот здесь недочеты, вот Гольдвассер с Федоровичем[9] что-то недодумали, что-то недореализовали, они рисовали, что тут будут березки расти внутри этого дворика, это будет тихий дворик, видимо, с фонтанчиком, еще с чем-то, а в реализации, видите, как получилось, получилось, как получилось, да, ящики из-под тары, либо просто забетонированный внутренний двор, с которым не знаешь, что делать, и где темные уголки, и даже страшно туда заходить, вот реально. То есть идея здоровская, реализация, к сожалению, на двоечку, и в результате вот имеем то, что имеем[10].

На экскурсии для журналистов, связанных с девелопментом…. То есть «РБК-Недвижимость», все такое. Ну, конкретно от «РБК-Недвижимость» тетя прям, ей очень понравилось, да, она там заинтересовалась, сказала, давайте мы у вас комментарии будем брать и прочее[11].

Мне кажется, что характерная для модернизма черта, это другой совершенно подход к составлению продукта. Ты должен не выхватывать маршрутики в центре, типа, а давайте мы с вами встретимся в центре и погуляем по переулкам Арбата. А ты должен мыслить вот такими большими формациями и изучением даже целых городов, как, например, ожерелье наукоградов вокруг Москвы. Это формируется целый проект, проект по изучению кольца наукоградов… Он формирует иной пул партнеров, иной пул заказчиков, ну, вообще, как бы, другой способ поиска клиентуры. Например, ты сотрудничаешь не только с... То есть ты не только продаешь экскурсию B2C, но ты стараешься выстраивать сотрудничество и с городской управой, потому что ты рассказываешь про целый город здесь... Ты работаешь на KPI по привлечению туристов. Стараешься выстраивать отношения с Академией наук, например, да. С, ну, понятно, самими институтами. С какими-то макрообразованиями. Например, сейчас ведем разговоры о поддержке наших экскурсий в наукограды с Министерством культуры и

[8] Бурангулов Динар Ильдарович, 29 лет, экскурсовод, исследователь советской архитектуры, автор блога «Кызыл Паша», экскурсии по модернизму с 2022 года: Краснодар, Новороссийск, Майкоп, Уфа, Салават, Стамбул.

[9] Гольдвассер Л. М., Федорович В. В. — ленинградские архитекторы.

[10] Гусаров Дмитрий Александрович, 42 года, экскурсовод, независимый исследователь советской архитектуры, автор ТГ-канала «Советская архитектура. Взгляд из Ленинграда. XXI век», редактор сайта «Домофото», экскурсии по модернизму с 2023 года: Санкт-Петербург.

[11] Антипин Константин Сергеевич, 26 лет, историк архитектуры, МГУ им. М. В. Ломоносова, экскурсии по модернизму с 2019 года: Пущино, Москва.

> туризма Московской области... Если мы говорим о промышленности, это тем более интересно. Сейчас экскурсии по Альметьевску и Нижнекамску заказали «Сибур» и «Татнефть», соответственно. Здесь очень важно учитывать, когда ты начинаешь мыслить такими большими сущностями, ты обнаруживаешь, что такая большая сущность уже является не просто маршрутом, она является хозяйствующим субъектом, она является каким-то стейкхолдером или совокупностью стейкхолдеров, с которыми ты можешь взаимодействовать на другом уровне[12].

Мы видим, что экскурсоводы активно разрабатывают инструменты для создания сложного полифоничного пространства дискуссии. Так, мы узнали, какие мысленные диалоги экскурсоводы как адвокаты модернизма ведут со своими иногда скептически настроенными гостями. И тут именно утопический компонент переживания и его осмысления помогает сомневающимся примириться с модернизмом через формулу «идея хорошая, реализация плохая».

Благодаря инициативе гидов и своей природе («договорились, чтобы попасть») экскурсии делают возможным поиск точек соприкосновения и взаимопонимания с застройщиками и чиновниками. А участниками виртуальной коммуникации на экскурсиях оказываются, через включаемые в повествование высказывания, архитекторы и жители.

3. Экскурсии как путь к принятию

Здесь собеседники заставили нас задуматься о психотерапевтическом потенциале экскурсий.

> Для меня лучший комплимент, это когда говорят, «вот мое качество жизни в этом районе улучшилось, после [экскурсии] я стал вообще смотреть на все типа по-другому, я там не обращал [внимания], мне казалось чем-то обычным, теперь я понимаю, вот, я просто выхватываю, я вижу там вот эти детали, я теперь понимаю, что это, ну, что это за эпоха, почему вот это именно так выглядит, то есть какие-то вещи, может быть, которые не были понятны, не укладывалось, возникали вопросы, почему это так, почему это так, теперь картинка сложилась»[13].

> Мы с экскурсантами, мы же большими группами передвигаемся, и это всегда у жителей района вызывает большой интерес,

[12] Багаутдинов Айрат Равилевич, 37 лет, историк архитектуры, руководитель компании «Глазами инженера», экскурсии по модернизму с 2017 года: Москва, Петербург, Казань, Пущино, Протвино, Черноголовка, Троицк, Новосибирск, Тольятти, Тбилиси, Ереван, Гюмри, Ташкент, Алматы.

[13] Иванов Александр Сергеевич, 36 лет, исследователь архитектуры, гид, основатель проекта «Квест-город», экскурсии по модернизму с 2019 года: Москва, Санкт-Петербург, Тбилиси, Буэнос-Айрес.

и они, естественно, должны вставить свои 15 копеек, которые они вот, как бы, уже давным-давно держат в потном кулачке, глядя на нас, вот, и когда группа начинает общаться с жителями этого района, завязываются очень интересные диалоги, абсолютно непредсказуемые для меня, споры завязываются, но, в конечном итоге, мы все дружим, как бы, мы все, значит, чуть ли не обнимаемся уже, и когда люди сами рассказывают, каково им живется в этом районе, какой он у них зеленый, как они его любят… У меня на прошлой экскурсии было так, что мы вломились, значит, в подъезд этого дома, консьержка нас приняла, и из подъезда выходил дядечка очень приличного такого вида, мы его нарекли профессором, потому что он реально [был] в белоснежном костюме брючном, и он молча слушал очень внимательно, что я людям рассказываю, и сказал, что очень интересно, спасибо, мне самому было интересно, а вы были в подъезде вот в том-то, пойдемте, и мы сходили… Вот это, конечно, заставляет людей изменить отношение вообще к городу, как к живому организму, что даже в «коробках» появляются общественные кластеры, вот в таких районах, да, живут не, ну извините, не там, не гопники, которых, они думали, что увидят в Северном Чертаново, а люди с огромной любовью относящиеся к своему району, вот это тоже, конечно, очень интересный эффект — меняет, очень сильно меняет отношение людей, не только к архитектуре, но и к городу[14].

Рис. 2. Жилые дома в микрорайоне Северное Чертаново, Москва, 2016 год. Фото Константина Антипина

Fig. 2. Residential buildings in the Severnoye Chertanovo microdistrict, Moscow, 2016. Photo by Konstantin Antipin

[14] Севостьянова Жанна Борисовна, 38 лет, экскурсовод, экскурсии по модернизму с 2019 года: Москва, Зеленоград.

Собственный опыт контакта с городом и разговоры позволяют отказаться от стереотипов, особенно таких, которые связаны с выстраиванием иерархий и снобизмом, проведением мысленных границ и защитными реакциями, но также дают возможность примириться с модернистским постсоветским городом или преодолеть боль от утраты привычной среды после переезда. Экскурсии могут подарить чудо гостеприимства, чтобы оно произошло, стороны делают шаг навстречу, к поиску диалога, примирению и принятию, что, как кажется, выгодно отличает экскурсии от туризма, который со времен колониальных экспедиций несет в себе импульс вторжения и эксплуатации.

4. Экскурсии как путь к знанию

Здесь мы пытались выяснить, работают ли экскурсии как исследовательский инструмент, засомневались в этом тезисе и захотели его переосмыслить.

> Я провожу эти экскурсии для студентов. Затем в первую очередь, чтобы у них лучше закреплялся материал… ‹…› Это моя такая мягкая сила, способ сделать так, чтобы у людей в голове все-таки отложились реально какие-то вещи из истории архитектуры XX века, потому что они буквально через эти места проходили, трогали эти перила руками, смотрели в эти окна, и значит, у них есть какие-то личные ассоциации в мозгу, личные воспоминания, кто как там пошутил, и таким образом после этого курса, я надеюсь, у них не останется пустота[15].

> Я очень много общался [для подготовки экскурсий и книг] с этими архитекторами, в меньшей степени с художниками, их наследниками. Но я еще раз для себя подтвердил, что надо там делить на 100 и проверять миллиард раз... Честно скажу, может, это не для статьи, но я часто видел из этих рассказов, это скорее опять какие-то такие фанфакты, а не что-то меняющее мою картину. Понимаешь, о чем я? Какие-то вещи, которые они рассказывали, они не меняли ту картину, которая у меня в голове сложилась, которую я почерпнул из каких-то источников ранее. Иногда они наоборот опровергали вообще то, что в документах было. Но мы же понимаем, это все воспоминания, и совершенно у тебя уже это подругому… И плюс у них всегда какие-то вот эти есть фанфакты, байки, что тебя зарубили, что кому-то не понравилась мозаика, эту тему посчитали не такой, эту сякой, заменили, этот не так посмотрел, этот на этого обиделся. И этого очень много. И, наверное, для экскурсии иногда это хорошо что-то там процитировать. Со ссылкой, опять же, или как некий апокриф, а не как часто у нас

[15] Казакова Ольга Владимировна, 42 года, искусствовед, доцент, Высшая школа экономики, с. н. с. Музея Москвы, экскурсии по модернизму с 2017 года: Москва, Зеленоград.

выдается апокриф за вполне себе истину, факт... Может быть, я поэтому это для экскурсии активно не использовал. Нет, ну вот это на самом деле, правда. Что вот эти апокрифы, они выдаются как факт установленный. Мне кажется, вот это абсолютно, это сейчас какая-то болезнь[16].

Не все типовые дома одинаковые. Давайте просто разбираться, давайте, пусть в мире будет больше оттенков. Это прикольно, это интересно. Сначала мне хотелось этого, сначала мне хотелось людей просвещать. Теперь же мне хочется людям говорить, что... И люди, правда, к этому вообще не готовы. Слышите, это бессмысленный вывод от экскурсии, что советское типовое домостроение не имело никакого смысла, что великий, прекрасный, восхитительный эксперимент с ЭЖК «Мещерское Озеро»[17] провалился, и изначально вся эта система АКТС, архитектурно-конструктивно-технологическая система, она изначально была обречена, как весь Советский Союз, как вся эта идея с коммунизмом. Я провожу параллель между тем, что конструирование системы типового домостроения — это как конструирование системы типового социалистического общества, оно оказывается невозможным. И в 1991 году все это нафиг быстро ломается. Но это невозможно сказать человеку, который пришел с мыслью, что типовое домостроение скучное, может, Ира меня чем-то удивит. Его пока рано разочаровывать, потому что он в принципе уже более-менее... ну, он уже разочарованный пришел. Он пришел очаровываться. Вот. Хотелось бы достичь второго уровня, но это пока спорная мысль, что оно не имело смысла. ‹…› И еще я думаю, что когда мы говорим о нижегородском модернизме, мы имеем в виду общественные здания, и для себя я эту тему ставлю на такую полочку, что это не круто. Ну, я не буду этим гордиться, это не классно, в этом нет шедевральности. [Гудков: Получается, когда мы описываем модернизм через валоризацию на основе художественных критериев и каких-то еще других ценностных критериев, которые привязаны к искусствоведческому знанию, это во многих случаях ему мешает. А мы можем создавать вокруг этого другую аксиологию, и мы можем говорить про социальные сюжеты, про то, что на самом деле это жители и сообщества местные должны решать, что сохранять, а что не сохранять. Иначе мы заводим себя в валоризационный тупик и описательный тупик, и с жителями это так не работает, и на сохранение это не работает…] Это очень важный тупик, мне кажется, что нам надо его признать, и перестать действительно все валоризовывать. Мы завалоризовывались, действительно, и понятно, что надо это делать, но давайте действительно поставим вопрос, нет ли в этом валоризации ради валоризации[18].

[16] Змеул Александр Александрович, историк, независимый исследователь архитектуры, градостроительства и транспорта, экскурсии по модернизму с 2018 года: Москва.

[17] ЭЖК — экспериментальный жилой комплекс.

[18] Маслова Ира, 38 лет, исследовательница советской архитектуры, куратор проекта «Городские экспедиции», экскурсии по модернизму с 2018 года: Нижний Новгород.

> Если говорить про экскурсию по архитектуре имперского периода, все очень любят отождествлять себя по меньшей мере с императорской семьей. Рассказывают, что в торговый дом… «Эсдерс и Схейфальс» любила ездить Александра Федоровна. Вот Александра Федоровна разбила сад у Зимнего дворца, там она что-то еще сделала. Такая-то семья, какой-то советник, который жил в этом доходном доме. Но никто не хочет отождествлять себя условно с кухарками, которые жили вдвоем в помещении 8 метров без окон и которые все это обслуживали. То есть все очень хотят изучать предыдущие эпохи с точки зрения буквально 2–3% того населения, которое жило примерно так, как мы живем сейчас: у нас есть отопление и какие-то еще возможности делегировать свои дела. И, соответственно, если даже начинаешь еще этот разговор о том, что идея микрорайонов уходит корнями в то, что огромное количество населения нужно было расселить, то это ломает картину, которую тебе так приятно видеть, тебе так приятно отождествлять себя с чем-то таким праздным. Короче, понимать архитектуру модернизма значит понимать очень многие сложнейшие процессы, интересоваться ими. Когда ты начинаешь ими интересоваться, ты в конце концов станешь каким-нибудь марксистом. Зачем тебе такой диссонанс? В общем-то, не знаю. Для меня интерес к архитектуре модернизма сейчас, как я это вижу, это выбор скорее думать, чем просто чем-то наслаждаться и думать, что ты уже все знаешь. Это путь постоянного сомнения, постоянного поиска чего-то нового. ‹…› Интерес к архитектуре модернизма — это всегда про интерес к сложной материи[19].

Мы увидели, что экскурсии редко помогают производить традиционное знание. Хотя, конечно, авторы экскурсий могут проделывать собственную исследовательскую работу ради атрибуции и выяснения истории создания объектов, но в таких случаях экскурсии являются формой представления идей и переработки материала, собранного без специальной цели экскурсии. Тем не менее, модернистская и особенно типовая архитектура как объект показа ставит перед автором экскурсии уникальную творческую задачу пересмотра устоявшегося искусствоведческого шаблона в рассказе о городе, который в случае домодернистской архитектуры обычно сводится к трем вариациям: показ красоты архитектурных форм, показ уникальных и характерных элементов здания, определяющих его стилистически и исторически, показ, сопровождающийся не связанным с архитектурой рассказом о знаменитых жителях и любопытных фактах их биографий. Низкий потенциал подобного повествования о модернистской и особенно типовой архитектуре заставляет авторов экскурсий прибегать не к помощи архивов и научным изысканиям, а к изобретению других форм рассказа и обсуждения, где важную

[19] Зубкова Марина Олеговна, 37 лет, историк, городской исследователь, куратор проекта «Город проектировщиков», экскурсии по модернизму с 2023 года: Санкт-Петербург.

роль играет социальная функция модернистской архитектуры, мнение и опыт участников экскурсии, местного сообщества и события современности. Даже общение с ныне живущими авторами этой архитектуры (уникальная особенность в работе гидов по модернизму) имеет ценность не столько для выявления фактов, а для создания эмоционального переживания на экскурсиях.

5. Экскурсии как путь к сообществу

Здесь мы задавались целью обнаружить формирование связей между всеми сторонами, вовлеченными в экскурсию как практику, что открывает путь к другим практическим действиям.

> У нас достаточно много новых ребят появляется. У нас аудитория растет. И гулены, как мы их называем от слова «прогулки», тоже совсем разные — в разные города [Московской области], разные люди приезжают… То есть мы, конечно, очень про общение. У нас в проекте много про знакомства, про личное. Мы много внимания уделяем тому, чтобы все еще знакомились, классно время проводили и потом хотели бы вернуться. Это просто отдельная какая-то часть — то, как мы выстраиваем сообщество внутри проекта. Я бы сказала, что из таких самых вот постоянных гулен, наверное, в районе человек двадцать. И получается, что люди, которые приходят на прогулку, они знакомятся и с гидами из других городов, и потом к ним едут. Получается такая бурлящая жизнь, где просто приятно и легко находиться. В самом начале прогулок мы подключаемся к телеграм-трансляции, и каждый, кто не стесняется, может про себя рассказать пару слов. Это полезная штука, которую мы используем, потому что мне, во-первых, самой интересно узнать, что за люди пришли. Это всегда очень интересные люди. Во-вторых, людям легче как будто бы друг с другом потом найти точки соприкосновения, с чего бы начать говорить. Поэтому мы еще и в этом формате разговариваем, и еще у нас всегда совместный обед. Там мы тоже разговариваем, там мы абсолютно все обсуждаем[20].

> Средний возраст это 28–30 лет, конечно, бывают и старше гораздо люди, даже пенсионного возраста, но в основном, если пенсионеры приходят, то они приходят со своими детьми и даже внуками. Такое часто бывало, когда вот три поколения одной семьи приходят к нам на экскурсии, и приводят их, как правило, среднее поколение, естественно, да, то есть люди 30 плюс, которые неравнодушно относятся к городу, к нашей истории. Когда мы гуляем с ними по Воробьевым горам, они очень активно реагируют на то, что цирк чуть не снесли, очень часто люди говорят, что да, я подписывал петицию,

[20] Бунина Анна Евгеньевна, 27 лет, архитектор, автор и руководитель проекта «СовМодно», исследовательница архитектуры, экскурсии по модернизму с 2023 года: Жуковский, Раменское.

я участвовал, я следил, то есть это люди, которые действительно погружены вот в эту проблему, если можно назвать это проблемой, если не катастрофой, которая сейчас разворачивается. Относительно того, больше девушек или молодых людей, сказать сложно, но, как мне кажется, женщин больше, чуть-чуть, но больше. По сравнению с конструктивизмом контингент экскурсии по модернизму моложе, абсолютно точно, я это замечала неоднократно, потому что к нам в Дом Наркомфина приходит довольно большое количество людей, взрослых уже таких 60 лет, 50–60 лет[21].

С одной стороны, наверное, было бы неплохо, если бы, как говорится, топили: «Давайте, сохраняйте», — и прочее. Но я, как педагог, прекрасно понимаю, что это ни к чему не приведет. Но я сам тоже не могу избежать. Я в соцсетях сам тоже иногда пишу, что ай-яй-яй, как нехорошо, вот это снесли выразительное или еще что-то там, да. Но это я в соцсетях от себя пишу. Публично, на экскурсиях, да, я стараюсь избегать максимально оценочных суждений и просто рассказывать, как оно есть. Просто люди пришли узнать об этом здании. Хотя, кстати, они сами меня бывают спрашивают в конце, очень многие, да, почти на каждой экскурсии спрашивают, а как вы лично? А ваше мнение какое относительно вот этого здания или там в целом вот этого направления? Меня действительно спрашивают. Тогда я даю свою оценку, да, да, вот. Я так считаю, вот использую сумму своего знания, что называется. В ходе самой экскурсии стараюсь избегать. Почему? Потому что иногда все-таки бывает. Я нет-нет, а где-нибудь что-нибудь вверну такое, что вот жаль, что его снесли. Ну, такую фразу, да, к примеру. То есть я тоже не абсолютно беспристрастен, как говорится, не робот я. Но я за то, чтобы максимально абстрагироваться[22].

Мы, получается, от авангарда двигались немножко назад, немножко вперед, исследуя, ну, просто глядя, что дальше, открывая для себя даже самих, прежде всего, те стили, те эпохи, которые просто располагались дальше на хронологической шкале, то есть сначала мы какие-то фанаты авангарда, но стали думать, блин, а вот, может быть, модерн — это все-таки не декаданс какой-то, да, в модерне есть что-то такое другое, инженерное, предопределившее появление авангарда, стали делать экскурсии про модерн, потом мы думаем: а сталинская архитектура, а модернизм… Конечно, способствовала этому, мне кажется, и конкретно книжка Коли Малинина и Анны Броновицкой, которая вышла, мне кажется, как раз в 2016 или 2017 году, сейчас точно не вспомню первое издание, и вообще, наверное, нарастающий пул литературы на эту тему [Броновицкая, Малинин 2016]. ‹…›

[21] Севостьянова Жанна Борисовна, 38 лет, экскурсовод, экскурсии по модернизму с 2019 года: Москва, Зеленоград.

[22] Гусаров Дмитрий Александрович, 42 года, экскурсовод, независимый исследователь советской архитектуры, автор ТГ-канала «Советская архитектура. Взгляд из Ленинграда. XXI век», редактор сайта «Домофото», экскурсии по модернизму с 2023 года: Санкт-Петербург.

> Надо, скорее всего, сейчас формировать понимание в экспертном сообществе, ну, немножко и в массовом, для того, чтобы постепенно все больше и больше агентов влияния, все больше и больше, там, экспертов, популяризаторов говорили о [модернизме], и, таким образом, он оказал свое влияние на массы, как случилось с авангардом… Надо выделять сразу разные группы целевых аудиторий, начиная с экспертного сообщества и заканчивая просто обыкновенными людьми, ну, посетителями экскурсий, и в каждой целевой аудитории формировать, в общем-то, какое-то такое мнение. Мы решили, что мы постараемся уделять внимания как можно больше модернизму и современной архитектуре. Но здесь есть некое противоречие, поскольку мы работаем в бизнес-логике, а не в логике, скажем, грантового финансирования, то мы, конечно, вынуждены болтаться между двух огней. Мы хотели бы популяризировать модернизм больше, но мы можем популяризировать его в тех объемах, в которых он продается... То есть скорее я обозначаю как стратегическую цель, цель на популяризацию менее понятных направлений, дальше они в условиях рыночной экономики стараются к этой цели двигаться, насколько это возможно[23].

Процесс совместной прогулки и слушания создает временное, но реальное сообщество единомышленников. Почти все гиды подчеркивали, что большинство участников экскурсий заранее относятся к модернизму с интересом и симпатией, ведь экскурсии платные. Поэтому экскурсионная популяризация модернизма происходит более сложными путями — не через пропаганду среди холодной аудитории, а через воспитание новых адвокатов модернизма, воздействие на жителей; для кого-то экскурсия становится одним из шагов на пути, в котором будут и другие практические и коллективные действия. Не только научный, но и рыночный механизм, заложенный в природу регулярных экскурсий, тоже является компонентом «популяризации». Мы также обратили внимание, что почти половина наших собеседников начала проводить экскурсии по модернизму в течение последних 5 лет, что говорит о том, что впереди нас ждет рост и развитие модернистского сообщества — изобретение новых практик, вовлечение новых объектов и регионов.

6. Экскурсии как путь к идентичности

Здесь мы наблюдали, как экскурсоводы увлеченно решают, а вовсе не уходят от спорного вопроса о связи интернационального стиля и даже типовой архитектуры с конкретной местностью.

[23] Багаутдинов Айрат Равилевич, 37 лет, историк архитектуры, руководитель компании «Глазами инженера», экскурсии по модернизму с 2017 года: Москва, Петербург, Казань, Пущино, Протвино, Черноголовка, Троицк, Новосибирск, Тольятти, Тбилиси, Ереван, Гюмри, Ташкент, Алматы.

[Любимая экскурсия] — как будто, ну, про серию П-3, появилась довольно давно, и вот я, слава Богу, ну, в принципе, спустя, там, 10 лет ее повторил, когда сделал выставку в музее «Садовое кольцо», посвященную этой серии, когда было 50-летие этой серии, в 73-м году она появилась. Серия П-3, меня, наверное, с детства преследовала. Я родился в Сокольниках, жил там, и вот эта серия… все детство она вокруг меня строилась, и нас с бабушкой и дедушкой, у которых я тогда жил, тоже обещали переселить в этот дом. Поэтому я ходил смотреть на эти дома. Туда переехали мои одноклассники, эти квартиры по тем временам выглядели роскошно, в сравнении с коммуналкой, где мы жили. Но мы переехали в П-44 в Крылатское в кооперативный дом, ну, и окна выходили прямо впритык к дому серии П-3. Я все время видел этот дом, несколько раз его перекрашивали в разные тоже интересные цвета, я понял, что мне эта серия интересна[24].

Напрасно некоторые специалисты думают, что ленинградский модернизм, он интернациональный, нет, он имеет совершенно точно свои черты, он строился по канонам, по сути дела, классицизма, то есть по классическим лекалам, где и пропорции выверены, где все очень строго довольно, если не сказать даже аскетично.‹…› Одна из причин, почему я вожу экскурсии и пишу статьи на тему ленинградского модернизма, потому что он, ну, незаслуженно, да, есть идея некого какого-то, ну, справедливости в конце концов, потому что, извините за такие громкие фразы, идеи справедливости… Я знаю, что Санкт-Петербург называют огромным классическим наследием, но в том-то и парадокс, что весь ленинградский модернизм построен исключительно на классических, как бы, догмах, скажем так, ему чужда эклектика, а ему как раз свойственны петровские начала, когда прямые проспекты, светлые, да, башни со шпилями, ну, Морской вокзал, Финляндский вокзал, это же башни со шпилями, именно как раз в модернизме они строятся, это все петровские доминанты, так называемые, да, то есть когда ты башню увидишь издалека, и много таких, даже башня ЦНИИ РТК[25, 26].

По крайней мере, в Краснодаре все-таки еще нужно подчеркивать, что один из главных символов города — советский, это как раз таки модернистское здание кинотеатра «Аврора». И у многих краснодарцев с ним связаны самые вот такие вот теплые, ностальгические воспоминания. Они в детстве ходили в «Аврору», пицца из «Авроры». «Аврора» — прямо такой центр, который всех при-

[24] Ромодин Денис Витальевич, 45 лет, москвовед, руководитель отдела «Музей “Садовое кольцо”» Музея Москвы, экскурсии по модернизму с 1998 года: Москва.

[25] ЦНИИ РТК — Центральный научно-исследовательский и опытно-конструкторский институт робототехники и технической кибернетики.

[26] Гусаров Дмитрий Александрович, 42 года, экскурсовод, независимый исследователь советской архитектуры, автор ТГ-канала «Советская архитектура. Взгляд из Ленинграда. XXI век», редактор сайта «Домофото», экскурсии по модернизму с 2023 года: Санкт-Петербург.

влекает, такая главная достопримечательность города, которую краснодарцы ждут, когда его уже наконец-то откроют[27].

Розанов — вам знакома его биография[28]? Знаете о таком архитекторе? У него отец из Горьковской области. Родился Розанов в Москве. Работал в городе Горьком на строительстве ГАЗа. Но быстро уехал в Москву уже в конце 1930-х. Но горьковским архитектором он все-таки был. А потом где-то в 1956 разработал типа самую первую панельку — не самую, конечно, но очень важную, 464-ю серию. Она стала самой массовой и первой в том смысле, что ее первую начали массово тиражировать. Построили одновременно кучу ДСК с этой серией... Но не важно, в общем, на самом деле, он эту серию проектировал не в Горьком, а уже в Москве, но я говорю, что он горьковский архитектор. И это очень приятное такое натягивание совы на глобус, весьма патриотичное. Я говорю — а знаете ли вы, что это горьковский архитектор всю планету одинаковыми коробочками застроил. Да, вау, да. Это прям звучит. ‹…›

А еще, это же мы в Горьком придумали народную стройку, это же тоже так патриотично. Я когда веду свою экскурсию «Как появилась типовая архитектура», показываю три разных способа строительства жилья на одной улице — индивидуальные домики типа дач, народную стройку и первые панельки 464-й серии. Говорю, что наша экскурсия проходит буквально в рамках четырех-пяти лет между 1957 и 1961 годами. И вы посмотрите, какое широкое разнообразие. И при этом народную стройку и первые панельки придумали горьковчане. Понимаешь? И это впечатляет[29]...

Мы в [экскурсантов] закладываем точку зрения, что [в модернизме] амбивалентно сочетается с одной стороны интернационализм, потому что в это время страна начинает сильнее общаться с Западом, и, с другой стороны, национальные начала. Ну, особенно это, конечно, актуально, когда мы говорим... Мы почти никогда не говорим про, собственно, советское. Мы... Получается, что, когда мы водим эти экскурсии в Москве и Петербурге, ну, там, наверное, возникает разговор о советском, но через типологию — потому что, понятно, что дворцы пионеров, дворцы культуры, дома политпросвещения и так далее, да, это все, конечно, такая типичная советская типология. Поэтому, наверное, разговор про советское возникает, но как-то подспудно, то есть мы не стараемся, наверное, в своих экскурсиях формировать некое... ну, как-то специально выделять феномен советскости, да, и демонстрировать, что советский модернизм, он в силу этой самой советскости чем-то отличается от... То есть она добавляет что-то к его интернациональной основе.

[27] Бурангулов Динар Ильдарович, 29 лет, экскурсовод, исследователь советской архитектуры, автор блога «Кызыл Паша», экскурсии по модернизму с 2022 года: Краснодар, Новороссийск, Майкоп, Уфа, Салават, Стамбул.

[28] Розанов Николай Петрович (1904, Москва — 1990, Москва) — советский архитектор, пионер индустриального домостроения.

[29] Маслова Ира, 38 лет, исследовательница советской архитектуры, куратор проекта «Городские экспедиции», экскурсии по модернизму с 2018 года: Нижний Новгород.

> Не потому, что мы спорим с этим тезисом, а потому, что мы как-то не ставили цель себе на продвижение этого тезиса, просто не пришлось, что называется, да, никакого отторжения нет, я полностью с этим согласен, но не пришлось. ‹…›
>
> А вот в [бывших советских] национальных республиках мы [говорим о национальном модернизме]. Помимо Еревана и Тбилиси, где у нас регулярно проходят экскурсии по модернизму, потому что там есть франшиза, мы еще ведь делаем туры, и в рамках туров мы освещаем и модернизм Ташкента, и модернизм Алматы, планируется Баку, Бишкек, Минск… ‹…› Все экскурсии разработал я вообще по модернизму во всех этих городах, потому что они все разрабатывались в рамках туров, а потом по наследству передавались уже франшизе. Ну или просто существуют рамки тура и дальше, как в случае с Ташкентом или Алматы… Естественно, если бы был местный человек, который бы мог компетентно рассказать о модернизме, я бы просто... То есть… я не настаиваю на том, чтобы экскурсию по модернизму делал именно я. Я веду ее всегда на безрыбье, потому что нет местного человека, который мог бы ее провести. Или я проглядел, не знаю. Хотя у меня довольно глубокий нетворкинг везде, но не нашел[30].

Мощный заряд ностальгии делает переживание модернистской архитектуры очень личным, а значит, привязанным к родному месту. Именно местные истории кажутся наиболее популярными и трогающими аудиторию. Получается, на уровне города или района модернизм — один из самых «патриотичных» стилей! При этом нам показалось интересным отсутствие национального мотива в разговоре о модернистской архитектуре в России (он есть даже в конструктивизме — в форме гордости за выдающийся вклад нашей архитектуры в мировую). В большинстве бывших советских республик производится переописание и переприсвоение этой архитектуры в рамках нового большого национального нарратива. Она оказывается удивительно гибкой, позволяя «реконструкцию» в качестве уже не советского, а либо общеевропейского, западного феномена с национальными чертами (Украина, страны Балтии), либо особенного национального (Армения, Узбекистан). В ситуации, когда во всем мире система охраны памятников и политическая воля к их сохранению имеют ярко выраженный «национальный взгляд», ценностные доводы в пользу этих памятников в России не могут полагаться исключительно на глобалистские интернациональные аргументы. Может ли быть сконструирована валоризация модернизма на национальном уровне в нашей стране и как нежность к панельным окраинам и коллективная память, связанная с

[30] Багаутдинов Айрат Равилевич, 37 лет, историк архитектуры, руководитель компании «Глазами инженера», экскурсии по модернизму с 2017 года: Москва, Петербург, Казань, Пущино, Протвино, Черноголовка, Троицк, Новосибирск, Тольятти, Тбилиси, Ереван, Гюмри, Ташкент, Алматы.

местным модернизмом, могут быть конвертированы в его сохранение, это пока вопросы.

7. Экскурсии как путь к сохранению

Наконец, здесь мы узнали, как экскурсоводы видят свою роль в сохранении наследия модернизма, и что некоторые из них отказываются от такой роли.

Рис. 3. Научный городок Дубна, Московская область, 2018 год.
Фото Константина Антипина
Fig. 3. Dubna Science City, Moscow Region, 2018. Photo by Konstantin Antipin

> Забыл про самое главное рассказать, что как раз после всех моих, там, лекций, экскурсий жители вот этих первых домов П-3 вдоль Ленинского проспекта добились восстановления первоначальной окраски. Там в лужковское время поменяли цвет во время очередного ремонта и рисунок, и удалось вот добиться яркой красно-белой и сине-белой окраски, причем даже еще и ограды балконов сохранили, не заменив, как сейчас обычно на этих сериях, там, ставят профнастил единого цвета, и пропорции балконов меняются, то есть серия как бы утяжеляется за счет этих мощных оград балконов. А там удалось цветное даже сделать, как бы, из современного материала, но тот же совершенно рисунок, двухцветное решение оград балконов. И вот сейчас облик этих балконов рядом с гостиницей «Салют», он стал открыточным, как на всех советских фотографиях 1970–1980-х годов [31].

[31] Ромодин Денис Витальевич, 45 лет, москвовед, руководитель отдела «Музей “Садовое кольцо”» Музея Москвы, экскурсии по модернизму с 1998 года: Москва.

Да, валоризация важна, и она работает по-разному. Она работает, с одной стороны, как то, что едут люди, они это ценят, а с другой стороны, то, что местные жители видят, что едут люди, и они это ценят и по-новому относятся, и смотрят из-за этого на ту свою привычную среду. И в случае с Пущино, ну, как будто бы это работает. Не то чтобы прям вот какие-то процессы там закрутились по реставрации, но, возможно, пока что не закрутился процесс по ремонтам. В случае с Дубной видно не как, наверное, экскурсии влияют, но как, как вот внимание к этому наследию, оно влияет на тех, кто принимает решения. То есть я прям вот лично чувствую отдачу от своих немногочисленных туда визитов и какой-то своей деятельности, потому что мне там говорят, что вот мы ваши посты показывали руководству, мы в папочку вложили, и в итоге вот не стали к 70-летию ДК «Мир» схерачивать его модернистский пристроенный зал[32].

Это к любому такому неочевидному наследию относится — есть такой эффект, когда жители местные удивляются тому, что к ним вообще на экскурсию кто-то приходит... Для меня такой эффект, если честно, важен[33].

У меня очень успешный опыт петиций, я очень рада в этом плане. Могу поподробнее рассказать про эти петиции, да? У нас в мае этого года покрасили краской из баллончика алюминиевый памятник [строителям и бойцам] бронепоезда «Москвич»[34]. Моя петиция по этому поводу привлекла внимание федерального канала — Первый канал, программа «Вести-Москва»[35]. Они приехали, сняли про нашу историю репортаж, взяли комментарий у администрации, и администрация поняла, что дело серьезное и надо идти во всем нам навстречу... все работы по памятнику остановились, и мы полностью смогли выдохнуть. Я теперь рассказываю про петицию на всех прогулках... Про то, как можно что-то сделать для своего города. И надеюсь, это кого-то вдохновляет. Если кто-то потом приедет в свой родной город, и там будет какая-нибудь неприятная ситуация, то человек благодаря, в том числе, моему опыту решит сделать петицию и на что-то в своем городе повлияет.

И администрация во всем уже нас поддержала. Администрация поможет смыть краску и выделит на это деньги… Ну, администрация сейчас занимается постановкой памятника на баланс города, а мы как волонтеры и активные горожане занимаемся заявкой на... В общем, мы занимаемся заявкой, по которой возможно наш па-

[32] Антипин Константин Сергеевич, 26 лет, историк архитектуры, МГУ им. М. В. Ломоносова, экскурсии по модернизму с 2019 года: Пущино, Москва.

[33] Змеул Александр Александрович, историк, независимый исследователь архитектуры, градостроительства и транспорта, экскурсии по модернизму с 2018 года: Москва.

[34] Памятник строителям и бойцам бронепоезда «Москвич», худ., арх. Валентин Струков, Евгений Константинов, Иван Иванков, 1975 год. Алюминий, выколотка. Россия, город Жуковский, ул. Фрунзе.

[35] https://www.change.org/p/остановить-несанкционированную-реставрацию-памятника-бронепоезд-москвич-в-жуковском

мятник станет памятником культурного наследия и получит защитный статус[36].

Рис. 4. Прогулка проекта «СовМодно» у памятника строителям и бойцам бронепоезда «Москвич», Жуковский, 2024 год. Фото Александры Сафоновой

Fig. 4. A walk by the SovModno project near the monument to the builders and soldiers of the Moskvich armored train, Zhukovsky, 2024. Photo by Alexandra Safonova

У меня нет ни какого-то культурологического, не знаю, там, архитектурного, да, или еще какого-то образования, или исторического тем более… И я считаю, что у меня нет такого веса, чтобы вот мои высказывания где-то там, где-то кто-то увидел и сказал, да, блин, вот стопудово, Мишаня сказал, не надо ничего сносить, мы это сносить не будем. Я на сто процентов уверен, что даже если бы я начал где-то высказываться, ‹…› его знает, площадка, не знаю, у себя в «Советском Ленинграде», или у себя на экскурсиях, или какая-то там «Фонтанка» взяла бы у меня интервью, я бы что-то там высказал. Но конкретно от моих слов бы, ну, то есть ничего не поменялось. Ну с какой стати... Давайте, вот, не знаю, будем всех спрашивать. Вот я у себя в деревне на улицу выйду, можно тоже пойти у соседей поспрашивать. Я не знаю, давайте еще на Change.org петицию сделаем. Хоть одна петиция на Change.org помогла? Я просто настолько в стороне от любого политического или какого-то вот этого вот «давайте там, не знаю, выйдем с плакатом, будем

[36] Бунина Анна Евгеньевна, 27 лет, архитектор, автор и руководитель проекта «СовМодно», исследовательница архитектуры, экскурсии по модернизму с 2023 года: Жуковский, Раменское.

стоять вокруг этого дома, и тогда его не снесут». У тебя, стоящего с плакатом, да, или орущего, что там «ДК Невский нужно оставить», у тебя есть N-1 денег, чтобы отреставрировать его?[37]

Мы видим два способа привлечения внимания к проблемам сохранения. Первый, собственно, проведение экскурсий. Когда проблема встает острее, мы увеличиваем частоту таких экскурсий и что-то инициируем. Например, когда встала проблема с СЭВ и цирком, мы запустили экскурсию, которая рассказывала про модернизм в целом, но и захватывала оба объекта, и пафос экскурсии был в том именно, чтобы привлечь внимание к этим двум объектам, находящимся под угрозой. И плюс, конечно, мы пишем про такие кейсы у себя в социальных сетях, мы стараемся инициировать какие-то разговоры со СМИ и публикации в СМИ для популяризации модернизма. Особенно когда в марте у нас был месяц модернизма, там несколько материалов мы сделали с разными СМИ про модернизм, в том числе про модернизм, находящийся под угрозой сноса. Вот с такими популяризационными методами мы работаем, не прибегая к никаким формам активизма, которые, конечно, как раз не соответствуют нашей, так сказать, организации. Но в целом мы стараемся работать в русле поиска диалога со стейкхолдером, будь то частный владелец или орган власти. Вот приведу пример. Прошлым летом нависла угроза над мозаикой на одном из заводов на Шаболовке[38]. Краевед Илья Малков-Герман спас мозаику, приостановив снос, девелопер Колди довольно быстро пошел на переговоры с градозащитниками и согласился передать мозаику на реставрацию и дальнейшую установку уже на территории лофт-квартала неподалеку. Мы с удовольствием подключились к этому проекту в качестве партнера, провели серию экскурсий по городу, по Шаболовке с привлечением внимания к этой теме и передали вырученные средства в трудкоммуну «Вспомнить все» Наташи Тарнавской, которая осуществила реставрацию мозаики[39].

Я обязательно, конечно, рассказываю про то, что, как мне кажется абсолютно удивительным, вот меня искренне до сих пор удивляет, что москвичи смогли отстоять цирк, и это круто, оказывается, можно так, да. Я, конечно, понимаю, что мы не отстояли его на сто процентов, его судьба дальнейшая, на самом деле, покрыта тайной, но то, что изменили вот этот проект благодаря москвичам, неравнодушным людям, которые любят эту архитектуру и вырос-

[37] Крайнов Михаил Александрович, 46 лет, ведущий ИТ-специалист, основатель проекта «Несбывшийся Ленинград», экскурсии по архитектуре XX века с 2014 года: Санкт-Петербург.

[38] Панно [«Достижения СССР»], ранее на фасаде корпуса Московского завода электроизмерительных приборов (перенесено в 2024 году на фасад корпуса лофт-квартала «Товарищество Рябовской Мануфактуры»), худ. Зураб Капанадзе, Нодар Малазониа, 1970-е годы. Смальта, медь, стекло. Россия, Москва, Холодильный переулок, 3.

[39] Багаутдинов Айрат Равилевич, 37 лет, историк архитектуры, руководитель компании «Глазами инженера», экскурсии по модернизму с 2017 года: Москва, Петербург, Казань, Пущино, Протвино, Черноголовка, Троицк, Новосибирск, Тольятти, Тбилиси, Ереван, Гюмри, Ташкент, Алматы.

ли с ней, и она является неотъемлемой частью не только города, но и их персонально, их жизни, смогли повлиять на сохранение этого памятника, для меня это является очень важным стимулом и очень хорошим примером, как надо действовать, и я всегда говорю о том, что нельзя быть равнодушным, если вы против каких-то градостроительных решений, обязательно уделите время, напишите петицию, подпишите ее, да, и, как бы, не дайте исчезнуть тому или иному зданию[40].

Показывая и рассказывая о типовом модернистском доме по время экскурсии, экскурсовод буквально совершает акт его признания, превращает его из просто постройки в «архитектурное наследие». Из многих рассказов мы поняли, что это перформативное превращение действительно работает, и объекты показа, и территория наделяется высоким символическим статусом среди местных жителей. Вместе с ретротопическим зарядом, подвергающим сомнению дегуманизирующее будущее в виде современных человейников, а также растущим молодым сообществом, нацеленным на поиск объединяющих ценностей, кооперацию и солидарность, идеи сохранения модернистского наследия в России двигают нас вперед, а не заводят в тупик, как опасался Оуэн Хазерли [2019] в своей книге-манифесте «Воинствующий модернизм», требуя защитить модернизм от градозащитников. Которые, как мы увидели, могут брать на себя роль настоящих прогрессивных модернистов, а не только потребителей-хипстеров, о которых писал Хазерли. А ретротопия может быть не только реакционным уходом в ностальгию и бегством от реальности и конфликта, но и служить модернистской критике современного коммодифицированного градостроительства.

Заключение

Проведенное исследование экскурсионных практик, посвященных советскому модернизму, позволило выявить их многомерную роль, которая раскрывает казавшееся банальным понятие «популяризации» как работу, выходящую далеко за рамки простого просвещения или развлечения. Экскурсии предстают сложным культурным и социальным феноменом, функционирующим как механизм коллективного воображения, диалога и конструирования идентичности. Мы увидели, как эти практики создают альтернативное пространство для работы с наследием, которое официальные институции зачастую игнорируют.

[40] Севостьянова Жанна Борисовна, 38 лет, экскурсовод, экскурсии по модернизму с 2019 года: Москва, Зеленоград.

Важным открытием стала первичность воображения, ностальгии и ретротопии над материальностью объектов показа. Экскурсии не столько восстанавливают прошлое, сколько творчески его достраивают, предлагая аудитории эмоционально пережить утопический потенциал модернистского проекта. А сами здания в момент экскурсии начинают требовать ответов на сложные социальные вопросы и активно свидетельствуют в пользу возможности проектирования альтернативного, более гуманного будущего. Одновременно экскурсии выполняют роль исследовательской лаборатории, вынуждая гидов отказываться от традиционных искусствоведческих клише и изобретать новые форматы рассказа, где социальная роль архитектуры и личный опыт участников становятся главными источниками смысла. В этом пространстве рождается временное, но реальное сообщество — не формализованное движение, а сеть единомышленников, чья практика потенциально способна трансформироваться в коллективные действия по сохранению наследия.

Исследование также осветило ряд важных противоречий. Между академическим интересом к экскурсионным практикам и самими практиками существует разрыв. Научные прогулки или ad hoc экскурсии, проводимые учеными, и регулярные платные экскурсии являются разными краями спектра, и имеют между собой не только общее (интерес к модернизму, некоторые исследовательские подходы, вроде устной истории), но и существенные различия (зависимость регулярных экскурсий от популярных локаций, фокус на эмоциях участников, а не на теоретической концептуализации).

Вопреки опасениям, что защита модернизма может свестись к потреблению и лишению модернизма его прогрессивного потенциала, мы увидели, что экскурсии как перформативный акт признания ценности запускают живые процессы осмысления, которые двигают вперед дискуссии и борьбу за его сохранение, основанную на солидарности, кооперации и критическом переосмыслении как советского прошлого, так и неолиберального настоящего. В то время как в других постсоветских странах модернизм активно встраивается в новые национальные нарративы, в России его ценность по-прежнему обосновывается в первую очередь местными или интернациональными аргументами, при этом социалистическое или советское содержание явно не проговаривается, а национальное значение не осмысляется. Это ставит вопросы не только о будущей стратегии защиты, но и о более широкой ценностной дискуссии в обществе. Тем не менее, можно сказать точно: общий путь экскурсий по модернизму — не ностальгическое бегство от реальности, а коллективный поиск смыслов, без которых невозможно формирование более осознанного и гуманного будущего российских городов.

Литература

Броновицкая, А., Малинин, Н. (2016). *Москва: архитектура советского модернизма, 1955–1991. Справочник-путеводитель.* М.: Музей современного искусства «Гараж».

Данилов, В. В. (2022). Образ «советского модернизма» в архитектурно-критическом дискурсе журнала «Проект Россия» 1990-х гг. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология», 2022*(7, часть 2), 185–198. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-7-185-198

Еремеева, А. Н. (2024). Потенциал советского архитектурного модернизма: практики освоения. В И. И. Горлова (Ред.). *Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей по итогам IX международного научного форума*, 115–127. М.: Институт Наследия.

Казакова, О. (2022). О проблемах и перспективах изучения архитектуры советского модернизма в постколониальную эпоху. *Новое литературное обозрение.* 2022(178), 320–334. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_178_6_320

Хазерли, О. (2019). *Воинствующий модернизм. Защита модернизма от его защитников.* М.: Кучково поле.

References

Bronovitskaya, A., Malinin, N. (2016). *Moscow: Architecture of Soviet Modernism, 1955–1991. Handbook*. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art.

Danilov, V. V. (2022). The image of ‘Soviet modernism’ in the architectural critical discourse of ‘Project Russia’ magazine in the 1990s”. *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies”, 2022*(7, part 2), 185–198. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-7-185-198. (In Russian).

Eremeeva, A. N. Potential of Soviet architectural modernism: the practices of mastering. In I. I. Gorlova (Ed.). *The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for Interethnic Harmony. Collection of Scientific Articles Based on the Results of the IX International Scientific Forum*, 115–127. Moscow: Institut Nasledija. (In Russian).

Heatherly, O. (2019). *Militant modernism: a defence of modernism against its defenders*. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russian).

Kazakova, O. (2022). On the problems and prospects of studying the architecture of Soviet modernism in the postcolonial era. *New Literary Observer, 2022*(178), 320–334. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_178_6_320. (In Russian).